

ЧЕЛОВЕК ПЕТЕРБУРГА

Возвышенное и прекрасное в творчестве нашего современника

Леонид Архипкин

Москва

«В этой обманчивой игре (искусства) одно мы постигаем несомненно: себя самих. Мы приблизились к себе; среди призрачного вот что остаётся настоящим и правдивым: я таков и вижу себя таким, что для меня это переживание означает подъем и достижение. Я нахожу и узнаю свою тоску, ибо в призрачном мире я конкретно переживаю то, что могло бы её утолить. Я нахожу то, что могло бы осмыслить жизнь: действовать в сфере, подобной той, куда возносит меня искусство... Искусство... раскрывает нам безобманно наше собственное существо».

Б. Христиансен

По мере того, как мне доводилось бывать на всё новых концертах Олега Погудина, по мере того, как его творчество всё больше и больше захватывало меня, я стал замечать, что несколько пасторальное вначале чувство, светлая радость от погружения в негу прекрасного голоса и личного обаяния певца постепенно заместились странным напряжённым душевным переживанием, тоже светлым и радостным, изумлением, к которому примешивался «страх высоты». Если после первых прослушанных концертов я пребывал в нирване эстетического наслаждения, то теперь я испытываю такое ощущение, будто только что перечитал «Братьев Карамазовых»...

I

Олег Погудин — человек Петербурга, города строгих линий и строгих принципов, классических архитектурных форм, города европейского. Когда артист сдержанно выходит на сцену, не обязательно даже в строгом фраке, но выходит именно сдержанно и строго, без улыбки, очень собранно начинает концерт, то независимо от программы — будь то народная песня или русский классический романс, песни Александра Вертинского или Булата Окуджавы, военная песня или «европейская песня» — у зрителя возникает ощущение определённой дистанции, с которой он обращается и к залу, и к той эпохе, откуда переносит на сцену чувства и переживания исполняемых произведений. «Исполняя их [романсы — Л.А.], Олег словно ставит невидимую стенку между собой и тем, от имени кого он поёт о безутешной любви или ушедших в безвременье годах» (*Инесса Берзиня, «Час», 1997 г.*). Выверенное сценическое действие, строгое даже в самых экспрессивных вещах, скупость жеста

«...Петербург — счастливое, уникальное соединение европейской формы, когда всё гармонично, изящно, и русского содержания — глубокого и духовно богатого... Но русское искусство, русская культура многолика, её нельзя полностью поместить в определённые, пусть даже и золотые, рамки».

Олег Погудин

и артист Олег Погудин, расставаясь с только что созданным образом, снова эмоционально удаляется от зрителя. Конечно, при этом остаётся человек Олег Погудин, близкий своей публике в монологах, которые он обращает к залу, и в мимолётном общении, когда он принимает цветы — знак восхищения его талантом.

только подчеркивают эту дистанцию и создают драматическое звучание: поворот головы и едва намеченное движение — и мы словно видим кружение в вальсе, внезапная напряжённость позы — и воображение рисует нам воспламеняющее танго. А вот музыкальная фраза, подчёркнутая единственно возможным жестом, посылается в зал, словно срывается с кончиков пальцев артиста, внезапно остановленных волевым импульсом на краю какого-то невидимого барьера. Его фразировка выразительна, каждая интонация оправдана, каждая пауза на своём месте. Слушаешь его — и находишься уже не в зале на концерте, а в той неземной, созданной певцом, но несомненно реальной жизни. Но вот наступает финал,

Удивительное чувство меры, точность интонации, филигранное владение вокалом, хрустальной чистоты голос, требовательность к слову и к музыке создают чарующую красоту исполнения. Эта красота не пышная, но лаконичная, в ней не огонь, но пламень, она не убеждающая, но убедительная, это — подлинная красота. Даже украшение зала, торжественность, которую придают букеты цветов на сцене, наконец, само построение программы, её композиция и внешнее оформление (включая отдельные инструментальные номера музыкального коллектива) — всё это составляющие удивительной завершенности, а часто — совершенства, присущие почти каждому концерту. В этом есть определённая классичность, определенный академизм. Не в смысле даже профессионализма или школы артиста (которые у него — высшей пробы), но в смысле художественного идеала. Но... таков ли художественный идеал Олега Погудина?

Олег Погудин — человек Петербурга, города сверхъестественного напряжения человеческих сил и высокого трагизма, города, заглянувшего за край бездны, города жертвенной судьбы и города-победителя. Города Пушкина и Достоевского, очень русского города. Все искания мятущейся русской души, все её ошибки и озарения, пророчества и разочарования, все её необъяснимые парадоксы, всё её богоискательство и вся её дерзновенность преломляются в творчестве певца. И красота рождается совсем другая, не классическая, не вмещаема этим миром, требующая про-

рыва в запредельное, зовущая и устремлённая к трансцендентному идеалу.

«Конь несёт меня лихой, а куда? Не знаю!» Этим вопросом, на который не дано положительного ответа, заканчивается романс «Колокольчики мои» в исполнении Олега Погудина, хотя в полном тексте А.Толстого ответ есть: «Знает Бог единый!..» Но если даже ответ поэта не окончательный (его стихотворение завершает снова вопрошающий стих: «И о чём грустите вы в день веселый мая...?»), то певец обостряет невозможность ответа до предела. И текст поэта обрывает на середине. Если сказать, что это — дань гармонии, красоте, совершенству, что исходное стихотворение слишком длинно, что форма романса требует более короткого стиха, — то это будет правильно. Но это будет правильно лишь отчасти, поскольку в искусстве форма — это и есть содержание. А содержанием является та жизнь, которая проживается в данном произведении — не в стихотворении, а в исполнении романса Олегом Погудиным. И только такая концовка романса, не дающая ответа, оставляет слушателя наедине с вечностью, на пугающей высоте, где обнажается последний смысл сущего. Конь лихой уносит нас дальше, и там, за пределами мира сего, мы и найдём свои ответы.

Или взять замечательный романс «У церкви стояла карета». Он исполняется Олегом Погудиным блистательно. В том, что освящается брак заведомо не добровольный, обречённый несчастьем, является настоящая драма. Изумительная вещь, очень русская и красивая. Когда Олег поёт этот романс, то перед нашим внутренним взором предстаёт милый уголок России где-нибудь в Коломне, Таганроге или Ярославле. Кажется, что даже слышишь шелест платьев и разговор гостей. Да, в стихах романса есть несовершенства слога. Скажем, выражения «...из глаз её горькие слёзы ручьём потекли на лицо», или «...

на палец надел золотое кольцо», а также рифма «была... — была...», взятые в отдельности, были бы досадными погрешностями стиля. Но все эти несовершенства, воспринимаемые как целое, в контексте человеческой судьбы вообще (которая и является здесь главным героем романса) обретают свой особый смысл, решают свою особую задачу, они вносят в романс такую трогательную, такую наивную ноту, что полностью ис-

определённую эпоху, не столько трагичная, сколько назидательная, потускнела бы красота жертвенности, и из романса ушла бы душа, он не достиг бы той высоты чувства, которую создаёт исполнение Олега Погудина. Певец, всегда требовательный к слову, смело включает этот романс в свою программу, сохраняя несовершенство во имя красоты, но не классической, земной, *для мира сего* красоты, которая ищет совершенства,

а во имя красоты небесной, красоты мира иного, которая жаждет откровения.

Стихотворение Пушкина «Я вас любил» многие знают наизусть. О нём написаны глубокие исследования. Как в осколке голограммы содержится целое изображение, так в этом стихотворении содержатся все грани творческого гения Пушкина. В нём слышна удивительная гармония и музыкальность, в нём реализована предельная стройность и ритмическая организация слов и звуков. В нём внешняя простота скрывает внутреннюю сложность — стихотворная речь звучит так естественно, как будто русский язык всегда был организован пятистопным ямбом. В нём есть присущая только творению гения незаметность мастерства: до нашего времени исследователи обнаруживают и ещё обнаружат не разгаданные пока симметрии и внутренние рифмы, содержащиеся в этих восьми строках.

Трудно представить себе, что когда-то этих строк не существовало, кажется, что они были всегда. Это произведение бесконечно и неисчерпаемо, как Вселенная. В нем сама жизнь являет свой смысл. Как исполнить такое произведение? Как спеть эти восемь строк на уровне гениальности Пушкина?.. После каждого исполнения Олегом Погудиным этого маленького романса в зале звучат крики «браво». После *каждого*.

купают себя. Не умаляя красоту этого романса, они «размыкают» её за пределы классического канона, не дают ей завершиться в нашем мире. Тем самым, в той, *иной* жизни, которая сотворена артистом, остаётся надежда, остаётся иррациональная возможность положительного исхода. Если бы всё было гладко, закончено, совершенно — перед нами предстала бы очень красивая миниатюра на тему порочных нравов в

И нельзя сказать, чтобы артист редко его исполнял. В чем причина такой неутолимой жажды публики слушать и слушать этот романс в этом исполнении? Стихотворение Пушкина на самом деле не принадлежит *миру сему*, оно «не от мира сего», поскольку наш мир, будучи ограниченным и конечным, не может вместить его бесконечность. Красота этого стихотворения не вписывается в классические каноны в силу того, что его духовное пространство имеет другую геометрию. Его естественность — всеобъемлющая, тогда как классическое искусство — ограниченное. Красота и гармония пушкинских строк не противопоставлены и не противостоят пороку и ущербности остального (*нашего*) мира, как в лучших образцах классического искусства, но искупают их в мире *ином*. В этих стихах есть интуиция, предчувствие и прозрение. В них угадывается все многообразие путей любви, взаимосвязей жизни — только надо открыть их.

И Олег Погудин помогает внимающим ему на те мгновения, в течение которых он поёт этот чудный романс, самим обрести дар интуиции, предчувствия и прозрения и увидеть, как раскрывает себя жизнь, как познаёт себя любовь, и как они взаимодействуют посредством человека. Но он только потому и обладает способностью помочь в этом чудесном обретении, что сам он в песне — Поэт, что сам создаёт неклассическую реальность, всеохватную реальность другого мира. Олег Погудин погружает слушателя в неё, и тогда становится видно ранее не видимое, становится понятным то, что было закрытым, словно гений Пушкина переливается в каждого из слушателей. Удивительное, уникальное, не обнаруживаемое больше ни в одном, пожалуй, произведении согласие стиха, музыки и голоса, совпадение их природы не может быть случайным, оно — очевидно промыслительное. Эти стихи, эта мелодия, этот ритм и этот голос словно создавались Творцом друг для друга. Я ставлю ещё раз эту запись Олега Погудина, закрываю глаза, и мне кажется, что я и самые близкие мне люди идём, взявшись за руки, и твердь земная нам больше не опора, мы движемся в запредельное, ведомые любовью и ведающие любовь.

II

Невозможно рассмотреть в одной статье весь огромный репертуар Олега Погудина, но в каждом исполнении им романса или песни обнаруживается один и тот же общий знаменатель: попытка достижения высшей цели творчества, т.е. попытка создания иной жизни, иного бытия, прорыв за пределы этого мира. И эту цель певец каждый раз

видит перед собой. Ее осуществление бывает разным. Чаще всего — вполне успешным. Иногда — менее удачным. В этом заключается трагизм всякого творчества — несоответствие между поставленной художником задачей и полно-

куства не выходит за пределы *этого мира*. В нём возможна лишь устремлённость к красоте мира *иного*, лишь тоска по нему. Каноническое искусство никогда не было творчеством в религиозном смысле этого слова, потому что

той её решения. Не будем пугаться той мысли, что задача всегда решается не полностью — в этом несоответствии заключена движущая сила, потенциал творчества.

Что является критерием удачи, критерием достижения поставленной цели? Только ли красота в классическом смысле является таким критерием? Позволю себе привести здесь концепцию Н.Бердяева, которая мне чрезвычайно близка и многое помогает прояснить в современной культуре. Если исходить из представлений античного искусства, т.е. классического искусства языческой эпохи, то достижение и постижение красоты возможны в пределах нашего мира, и эта красота реализуется в бытии *этого мира*. Более того, идеальное законченное совершенство возможно только в *этом мире*. Античная эпоха задала каноны, эталоны красоты, но их воплощение в произведениях ис-

творчество началось лишь тогда, когда наступила эпоха христианства. И когда она наступила, красота приобрела иной, запредельный смысл.

В ней появилась тайна, неопределённость, другое измерение. Эта тайна заключается в той трансцендентной тоске, которая пришла только с христианством. В античном искусстве, классически прекрасном, нет этой тоски, «под ним и над ним не раскрывается бездна...» Дух христианского искусства иной, для него идеал красоты в *этом мире* недостижим. Христианское искусство верит, что законченная, совершенная, вечная красота возможна лишь в мире *ином*. Христианское трансцендентное чувство бытия создаёт романтическую традицию в искусстве, противостоящую традиции классической.

В каждом исполнении, которое удаётся Олегу Погудину, классический идеал красоты достигается и, на мой взгляд, преодолевается. И тогда рождается что-то, что выше красоты, выше гармонии, что не приводится к ним, в

«У кого-то из больших писателей прочтала: чтобы человеку чувствовать себя душевно здоровым, ему нужно хотя бы десять минут в сутки прожить в состоянии бессознательного счастья. А здесь не на десять минут, а на целый час было подарено это ощущение».

**Наталья Кисис
(газета «Диена»,
26.09.97)**

чём невозможно дать себе отчёт. Возникает ощущение полёта (т.е. не свойственного человеку в его земной жизни состояния), безотчётного счастья, чувствуется дыхание бездны. От красоты не плачут, плачут от счастья; если при восприятии красоты у человека сжимается сердце и наворачиваются слезы, значит, ему было откровение.

Как в самых драматических вокальных произведениях (народная песня, русский городской романс, песни Александра Вертинского, песни из репертуара Эдит Пиаф и др.), так и в самых гармоничных (русский классический романс, романсы на стихи Пушкина и Лермонтова) классическая завершённость, канон, строгость «линий» составляют, как мне кажется, то, от чего отталкивается Олег Погудин; романтическая незавершённость, недосказанность в *этом мире*, прорыв в мир *иной*, «христианское трансцендентное чувство бытия» — вот то, к чему он устремлён.

III

Академически-классический идеал искусства препятствует выявлению его религиозных глубин, путь к красоте — религиозно-творческий. В этом же контексте логично обсуждать другую важную тему, тему трагической противоположности творчества и бытия. Что выбрать художнику: совершенство души или совершенство культуры? творить саму жизнь или творить художественное произведение? создавать что-то или быть чем-то? Это противоречие обостряется по мере развития кризисных явлений нашей культуры. Чем же оно должно разрешиться, и когда оно разрешится? Быть может, живущие сейчас поколения этого не узнают, не будут этому свидетелями; но они уже увидели начало этого очистительного разрешения, они стали современниками художников, чьё творчество уже сейчас вносит положительный вклад в

разрешение кризиса культуры. К таким художникам я отношу Олега Погудина. Обозначенная выше дилемма в этом человеке снимается. Сопоставляя факты его биографии, многочисленные интервью, монологи на концертах, телепередачи с его участием, наблюдения того, как он общается с публикой, как он ведёт себя, и многое другое, приходишь к выводу, что для него совершенство культуры и совершенство души невозможны друг без друга. Бытие, создаваемое им в песенных произведениях, наследует опыт его собственной жизни, которая строится им по законам красоты и поэтому претворяется в красоту. «В красоте нужно жить, чтобы узнать её». Пример артиста Олега Погудина подтверждает этот тезис. Он подлинный художник, осознавший своё призвание и предназначение, и ткань его жизни соткана по определённым правилам, им самим для себя определённым.

В одном из интервью Олег Погудин по поводу своей «правильности» задал журналисту встречный вопрос и сам на него ответил: «Что такое правильный человек? — Это человек, живущий по правилам». Ткань его жизни имеет свой характерный, неповторимый рисунок. Он не плывёт по течению жизни, а крепко стоит у руля, не идет на поводу у жизни, не оставляет места случайным «всплескам» и «поворотам», живёт осмысленно. И слушает голос Бога в своей душе — свою совесть. Потому при-

сунок его жизни чёткий, не размытый. Видно, какие цели он перед собой ставит, как идёт к ним, как их достигает. Первые же концерты в зале «Россия»

ещё раз это показали. Певец творит свою жизнь, обдумывает её, сознательно жертвует многими её благами во имя цельности своей личности. Такие духовно развитые люди притягивают к себе других людей, объединяют их вокруг себя, самым фактом своего существования помогают им открыть в себе лучшие качества. Это происходит и с Олегом Погудиным. Потому он стал родным человеком, родной душой тысячам своих слушателей, как видно из их отзывов.

Чтобы отвести возможные упреки в том, что я идеализирую артиста, сужу о нём пристрастно и т.п., отмечу в заключение следующее. Дилемма творчества и бытия всегда снимается лишь как процесс, а не как свершившийся факт. Трагизм этой дилеммы на протяжении всей творческой жизни отзывается в душе художника. Каждым истинно художественным актом, каждым своим шедевром, равно как и каждым своим поступком художник снимает эту дилемму, чтобы вновь прийти к ней, творя следующее своё произведение и свою судьбу. Творчеству неизбежно сопутствуют поиск, заблуждения, ошибки, разочарования. Это относится как к творчеству в искусстве, так и к творчеству в жизни. Процесс постижения самого себя продолжается...

«Праздничная поэзия жизни — долг человека, во имя которого должны быть принесены жертвы жизнью обывденной, её благами, её спокойствием. Красота — не только цель искусства, но и цель жизни... Красота в своей последней сущности — неопределима, красота — великая тайна. В тайну красоты должно быть посвящённым, и вне посвящения она не может быть познана. В красоте нужно жить, чтобы узнать её».

Николай Бердяев